

**Вадим
Кучеренко**

СНОВИДЕНИЯ

16+

Вадим Кучеренко

Сновидения

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Кучеренко В. И.

Сновидения / В. И. Кучеренко — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Он видел прекрасные сны, в которых совершал подвиги и был героем романтических приключений, любимцем женщин. Но когда просыпался, то реальность оказывалась совершенно иной. И однажды он захотел все изменить... В оформлении обложки использован рисунок с pixabay по лицензии ССО.

Утренний бриз, наполнявший паруса бригаантины, через открытый иллюминатор проник в каюту. Мужчина в кожаной куртке с широким поясом и ботфортах до колен сидел за столом и точил шпагу, невозмутимо покуривая ароматную гавайскую сигару. Одета в расшитое золотом сари женщина, распростершись на кровати под парчовым балдахинном, плакала.

– Командор, – шептала она сквозь слезы. – Я хочу всегда быть с тобой!

– Это невозможно, – печально ответил он. – Моя жизнь полна смертельных опасностей.

– Я не боюсь разделить их с тобой!

В дверь каюты сильно постучали и кто-то прокричал:

– Командор, на горизонте шхуна! Она преследует нас!

– Это Дрейк, пират ее величества королевы Елизаветы! – в порыве отчаяния женщина заломила руки. – Он настиг меня!

– Это будет его последнее злодеяние, – пообещал командор, взяв в одну руку шпагу, в другую – длинноствольный мушкетон. Отдал распоряжение через дверь: – Команде приготовиться на абордаж!

– На абордаж!

Бригантина мгновенно наполнилась возбужденными криками и топотом ног бегущих на палубу моряков.

Красавица, побледнев, поцеловала возлюбленного, быть может, в последний раз...

Николая Зябликов, проснувшись, долго еще лежал в темноте и слушал, как за окном после короткого ночного затишья пробуждается город. Через открытую форточку свободно проникали свежий морозный воздух и звуки. Сначала зарычали автомобили, взбираясь по их крутой улице к перекрестку. Потом торопливо прошагал человек, неизвестно куда или откуда спешивший в такую рань, за ним другой, третий... И вскоре множество ног хрумкало выпавшим ночью и успевшим подмерзнуть снегом, перемалывая его в грязь.

Николай невольно вздохнул. Ему казалось невыносимо скучным совершать неизменный ежедневный круговорот жизни: вставать, умываться, завтракать и одеваться, а затем выходить из дома и брести по уличной слякоти на работу, и там маяться весь день, мысленно торопя приближение вечера. Но и долгожданный вечер, он знал, не принесет ему радости, тогда он начнет ждать ночь, когда можно будет, наконец, с облегчением лечь в кровать и забыться до утра...

Николай опять грустно вздохнул. Он понимал, что потерял интерес к жизни. Но случилось это не вчера, а несколько лет тому назад, и он смог уже привыкнуть к этому состоянию безнадежности. Однако старался не вспоминать то время, когда утро еще приносило ему радость. Это было не так просто – отречься от всего чистого и светлого, что хранила его память. И не всегда удавалось. Тогда Николай пытался схитрить, обмануть самого себя. Он переворачивал в своей памяти как можно больше страниц и заглядывал чуть ли не в начало своей жизни.

В те дни его будила мама. Тогда он спал в одной с ней комнате, но только в маленькой детской кроватке с забавным медвежонком, нарисованным на деревянной спинке. Мама склонялась над ним и, ласково поглаживая по голове, приговаривала:

– Коленька-Николенька, вставай, утро пришло, пирожки принесло!

А ему были так приятны прикосновения ее теплой мягкой руки, пахнувшей почему-то молоком, но не магазинным, а деревенским, парным, что он, уже проснувшись, старательно жмурился, продляя мамины ласки. Он знал, что на завтрак его действительно ждут вкусные пирожки, еще пышущие жаром, с сочащейся из них начинкой из грушевого или яблочного варенья. И не мог понять, как это утро сумело их принести, ведь у него нет рук. Но если допустить, что руки есть, значит, имеется и рот, и почему же тогда оно, это самое утро, исправно несет вкусную сдобу ему, Коленьке, а не съедает само? Он бы ни за что не удержался и попробовал хотя бы кусочек. Но еще ни разу ему не попадался надкусанный пирожок...

Мама все-таки замечала, что Коленька притворяется, и нежно упрекала его:
– Сынок, я же опоздаю на работу, и меня накажут!

Каждое утро эта неведомая работа отнимала у него маму, и Коленька сильно невзлюбил ее. Работа представлялась ему страшным, большим и лохматым чудовищем, похожим на соседского пса Фильку. Коленьку обжигала острая жалость к маме, он протягивал к ней свои ручки и обнимал за шею, лепеча, что когда он станет взрослым, ей не придется бояться не только своей злой работы, но даже и самого Фильки. А мама, смеясь, целовала его, и Коленьке было так хорошо, как, наверное, не бывало уже никогда в жизни. Если забыть про Ирину...

Дзи-и-инь!

Николай вздрогнул от резкого звонка будильника. Пора было вставать. Он мог бы еще понежиться в постели, но это уже не доставило бы ему удовольствия, потому что в своих воспоминаниях он дошел до Ирины, что всегда отзывалось в нем болью. И сколько он ни пытался, но миновать Ирину не мог, она служила переходным звеном между его радостными и хмурыми утрами. И, наверное, была неповинна в этом, как нельзя всерьез винить плохой сон в своем дурном настроении, но это ничего не меняло. Обычно Николай не думал о ней. Но с таким же успехом он мог пожелать забыть день своего рождения или о том, что однажды он умрет. А это было невозможно.

В соседней комнате проснулась мать. Она глухо кашляла, одеваясь, чтобы пойти на кухню и приготовить ему завтрак. Она уже давно вышла на пенсию и теперь по утрам беспокоилась, что на работу опоздает сын. Он для нее оставался все тем же Коленькой-Николенькой, которого она будила каждое утро, если он не вставал вовремя сам, поэтому Николай, отбросив одеяло, поднялся с кровати. Он опасался, что она зайдет и догадается по лицу сына о его душевном смятении, а он не сможет внятно объяснить причину своей утренней ипохондрии. И тогда мама начнет переживать, и у нее обязательно разболится голова, а он будет чувствовать себя виноватым в этом. Ему же и без того было плохо.

– Коленька, завтракать, – позвала из-за двери мать.

Николай съел на завтрак три яйца всмятку, тарелку шанежек и выпил большой стакан теплого молока. Поесть он любил. Он был выше среднего роста, полноват, даже несколько рыхловат для своих тридцати лет, но со здоровым румянцем на пухлых щеках. Мама заботливо подкладывала ему на тарелку. Она искренне верила, что хорошее пищеварение служит залогом жизненного успеха и благополучия. Appetит Николая являлся для нее барометром его настроения, и стрелка на нем всегда должна была показывать «ясно», иначе мама начинала тревожиться. Родив сына на излете молодости, когда уже отчаялась выйти замуж, как по любви, так и по необходимости, она любила Николая, как только может любить единственного сына одинокая стареющая женщина, и не видела в нем никаких недостатков, ни телесных, ни духовных, а если порой случайно и замечала, то относила это на счет собственной мнительности. Обычно при таком воспитании, тем более без твердой мужской руки, вырастает закоренелый эгоист, если не хуже. Но Николай был ласковым и послушным сыном. Быть может, даже чуть более послушным, чем того требуется для личного счастья. Но он был добр и легко прощал маме ее слепую ревность ко всем без разбора представительницам одного с ней пола. По здравому размышлению, он понимал, что женщины заботливее, чем мама, ему не найти. А потому он и не искал. Впрочем, была, наверное, на то и другая причина, и он даже знал, какая, но ни за что бы не открыл ее маме. В свое время она тяжело пережила его студенческую влюбленность, он не хотел напоминать ей об этом ничем.

– Коленька, не забудь вечером зайти на почту и заплатить за квартиру, – напутствовала его мать уже в прихожей, пока он застегивал пальто. – Я не могу. Сегодня мы с Марьей Филипповой идем в кино.

Со своей давней подругой, Марьей Филипповой, такой же безмужней старушкой, мама не пропускала ни одного индийского фильма, в каком бы кинотеатре тот ни шел, даже на

другом конце города. Радж Капур был ее кумиром, а Амитабх Баччан – тайной любовью. Но прежде она обязательно узнавала перипетии сюжета. На фильмы с несчастной любовью не ходила, объясняя это тем, что в жизни хватает собственного горя, и не хватало еще платить за чужое из собственного кармана. До пенсии она работала бухгалтером, и привычка переводить чувства в область дебет-кредита прочно укоренилась в ней. К счастью для мамы и Марьи Филипповны, почти все индийские фильмы заканчивались хорошо, а страдания главных героев в них с лихвой компенсировались веселыми танцами и песнями.

– Опять вернетесь заплаканными? – улыбнулся Николай, целуя мать.

Она, сердито подтолкнув его к двери, ответила:

– Тебе этого не понять, так что можешь скалить зубы, сколько угодно!

«Почему же мне этого не понять?» – с неожиданной обидой подумал Николай, и даже хотел спросить у матери об этом, но за его спиной уже щелкнул дверной замок. Он остался один на темной лестничной площадке. И начал осторожно, держась за перила, спускаться по лестнице.

Николай работал в проектно-институте «Стройгражданпроект». Это большое многоэтажное здание построили в те годы, когда в моде был минимализм, по принципу коммунальной квартиры. Каждый этаж представлял собой длинный коридор, по обеим сторонам которого шли крошечные клетушки-кабинеты. Народа в «Стройгражданпроекте» трудилось великое множество, и каждому требовалось рабочее место – с письменным столом, стулом, кульманом. Поэтому их набивали в кабинеты, словно кильки в консервные банки. В отделе, где работал Николай, на двенадцати квадратных метрах разместилось пять человек. Было тесновато, но они привыкли и притерлись.

За многие годы Николай ни разу не опоздал к началу рабочего дня, и очень этим гордился, но втайне от всех. Никто из сослуживцев, с которыми он ютился бок о бок в одной комнате, не мог сказать о себе то же самое. Поэтому на общем собрании их маленького коллектива ему было раз и навсегда поручено каждое утро наводить на столах отсутствующих коллег рабочий беспорядок и отвечать тем, кого это будет интересовать, что те буквально минуту назад вышли по очень важному и чрезвычайно срочному делу. Какое это дело, Николаю доверили придумывать самому, полагаясь на его природную сообразительность.

В это утро с опозданием пришли все, кроме Николая. Каждый из вновь прибывших садился на стул, доставал из недр письменного стола папки с деловыми бумагами и, подобно сфинксу, замирал над ними, подперев голову руками. Очень редко кто-то переворачивал страницу. Потому что это было не обычное утро, а утро понедельника, и в рабочем графике, по общему мнению, оно существовало только по ошибке или недомыслию руководства. В основном все дремали, отсыпаясь за активно проведенные субботне-воскресные дни и ночи.

Николай, как обычно, минувшую ночь, да и все выходные, провел дома, с мамой, а потому хорошо выспался. Он давно уже снял пальто и повесил его на «плечики» в шкаф, переменял узкий в плечах и слегка тесный в талии пиджак на рабочую, свободного покроя, куртку, и подошел к кульману. И надолго задумался, рассеянно перебирая карандаши. Проект жилого дома для сельской местности, который ему поручили доработать, был хорош всем, кроме одного – его окончательная стоимость превышала запланированную смету расходов. Николаю требовалось удешевить проект. В пятницу, после сильных душевных мук, он отсек от дома балконы, но на этом его запал иссяк. Утешив себя известной мудростью, что «утро вечера мудренее», Николай отложил дальнейшую расправу с сельским домом на понедельник. Но и понедельник не добавил ему мудрости, а вернее, решительности. Он знал, что если уменьшить высоту потолков, да и остальные параметры комнат, превратив их в малогабаритные клетушки, сделать крышу прямоугольной, убрав все завитушки, необходимые только для красоты, да и сам

дом строить не из кирпича, а из переработанной древесины, которая намного дешевле, то проблем со сметой не будет. Проблемы возникнут с его профессиональной совестью.

Когда-то, давным-давно, Николай совсем иначе представлял себе работу архитектора, о которой мечтал еще со школы. Тогда для него неизменными атрибутами этой профессии были полет фантазии и дерзость мысли, благодарные сограждане и, быть, может, одна из улиц родного города, построенная по его проекту и названная его же именем. Его ухо ласкали такие слова, как рококо, барокко... И даже в то время, когда многие его сокурсники уже разочаровались в своем выборе, он исправно посещал лекции, сдавал аккуратно зачеты и успешно – экзамены, и считался одним из лучших студентов на курсе, несмотря на свою ординарность.

– К сожалению, юноша, в вас нет божьей искры, – говаривал, рассматривая его студенческие проекты, профессор Уфимцев, в далеком прошлом значительная фигура в градостроительстве, а в те годы уже состарившийся и обучающий азам ремесла будущих архитекторов. – Но за счет упорства и методичности вы можете добиться многого. Помните об этом!

И Николай, ободренный напутствием старика, серьезно готовился к своему будущему, в глубине души надеясь, что искра все-таки проявится, если постараться, а уж он сумеет превратить ее в пламя. Пожалуй, если не считать детских впечатлений и Ирины, самым счастливым в его жизни был день, когда он впервые вышел на работу. Еще пах типографской краской диплом, который он отдал в отделе кадров «Стройгражданпроекта» женщине за конторкой, и мечты были светлыми, а планы – наполеоновскими... Но прошло не так уж много времени, а ничего от этого не осталось. Мечты полиняли, планы сморщились, словно воздушные шары, из которых вышел воздух, и, наверное, даже диплом уже пахивал плесенью, залежавшись во внутренностях огромного сейфа.

Николаю почему-то особенно запомнился именно этот сейф, серо-стальной, почти до самого потолка, бронированная дверца которого натужно скрипела, когда ее отворяли или закрывали. В нем хранилось множество человеческих судеб, немногословно изложенных в коротеньких биографиях и трудовых книжках. Николаю он тогда показался саркофагом, в который если что попадало, то исчезало бесследно и навсегда. Не прибавляла оптимизма и предпенсионного возраста женщина за конторкой. Своим слегка крючковатым длинным носом и всезнающими хитрыми глазами она напомнила Николаю бабу-ягу, самый коварный персонаж русских народных сказок. И то, что баба-яга, выхватив у него из рук своими цепкими пальцами его диплом, нехорошо усмехнулась при этом, навело даже чрезвычайно наивного в ту пору Николая на тревожные раздумья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.